

графическое имя, многократно употребляемое для номинации объектов, типичных для ландшафта той или иной местности, может терять ореол единичности, утрачивать свои «топонимические» качества и превращаться в географический термин. Если представить отношения между лексикой и топонимией в подобных ситуациях в виде цепочки, то связь будет такой: исходный апеллятив —> топоним —> географический термин.

Таким образом, явление неупотребительности терминов в топонимии имеет множество причин. Разумеется, выводы, сделанные в процессе наблюдений за функционированием лексики одного из сибирских диалектов, не исчерпывают существа проблемы. Нас здесь интересовал лишь ономаσιологический аспект: лексическая мотивация, ее развитие в процессе функционирования слова в системе говора и влияние такого развития на употребление или неупотребление слова в топонимических структурах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Майданова Л. М.* Процесс номинации и номинативные варианты // Вопросы топониматики. Свердловск, 1972. Вып. 6. С. 4.

² См.: *Матвеев А. К.* Образное народное видение и проблемы ономаσιологической и этимологической интерпретации топонимов // Вопросы ономастики. Свердловск, 1977. С. 41; *Пахомова В. Д.* О метафорических названиях в топонимии // Вопросы топониматики. Свердловск, 1970. Вып. 4. С. 30—34; *Чайко Т. Н.* Названия частей тела как источник метафоры в апеллятивной и ономастической лексике // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. Вып. 8—9. С. 98—107; и др.

И. И. Муллонен

Петрозаводск

ОТРАЖЕНИЕ ТИПОВ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ВЕПССКОЙ ОЙКОНИМИИ

В предлагаемой статье анализируется употребление терминов, обозначающих различные типы сельских поселений, в вепсских ойконимах. Подобная постановка вопроса плодотворна в плане изучения проблем номинации и получения дополнительной информации о топообъекте.

Имеющийся в нашем распоряжении материал — около 500 наименований вепсских поселений и их частей — свидетельствует о том, что упомянутые термины выступают в составе ойконимов либо самостоятельно (деревни Posad, Tanaz, Kond, *Selišš*, Сла-

bad), либо в качестве детерминантов сложных названий поселений (деревни *Deremamposad*, *Aksintanaz*, *Peřjanakond*.) Здесь необходимо принять во внимание тот факт, что номинативную, назывательную функцию выполняет прежде всего атрибут сложных топонимов, который индивидуализирует их, отличает от подобных. Однако нельзя полностью пренебрегать ролью детерминанта в процессе номинации. В отличие от номенклатурного термина, существующего при названии (ср. Средняя деревня, Долгое озеро), детерминант прибалтийско-финских топонимов — непосредственный элемент названия, его составная часть. Прибалтийско-финский топоним в подавляющей массе случаев — это прочно спаянный комплекс основного элемента и определения к нему. О прочной спаянности атрибута и детерминанта в составе вепсского топонима свидетельствует, в частности, превращение детерминанта в процессе функционирования географического имени в фёрмант, теряющий изначальное содержание: *Souta* < **Soutjärv* (-*järv* «озеро»-af, *kešku* < *keškküä* (-*küä* «деревня»->-*ku*), *Keštan* < *Kešktanaz* (-*tanaz* «двор»->-*tan*), *Habeg* < **Habjogi* (-*jogi* «пека»->-eg) С другой стороны, целый ряд топонимов характеризуется эллипсисом атрибута: деревни *Surposad* > *Posad*, *Haragammättaz* > *Mättaz* и др.

В современных вепсских говорах для обозначения различных типов сельских поселений существует несколько лексем: *küä*, *défevñ*, *posad*, *pagast*. В топонимии набор их значительно богаче. В ойконимах, помимо перечисленных, закрепился целый ряд терминов, или вышедших из активного употребления в современных говорах, или служащих для обозначения таких типов поселений, которые ныне не бытуют. Среди них *tanaz*, **kond*, **uadišš*, **slabad*, *usaüb*, **selišš*, *hutor*. Анализ их топонимического употребления, учет ареала распространения каждой из перечисленных лексем в топонимии, плотности этого ареала, характера определяющего термин атрибута позволит не только определить особенности номинации по микрорегионам, но и восстановит утраченные термины, выведет в некоторых случаях на выявление исходной семантики термина и поможет проследить пути ее развития, в конечном же итоге приблизит к уточнению особенностей расселения вепсов в Межозерье.

Начнем разбор с лексемы *küä*, имеющей широкие финно-угорские связи и представленной во всех прибалтийско-финских языках в значении «деревня, селение» (SKES, 2, 254). Активность ее топонимического функционирования в вепсском языке невысока. Казалось бы, в прибалтийско-финской топонимии, где господствуют сложные по структуре наименования с детерминантом, называющим вид искомого географического объекта, сложная ойконимическая модель на *-küä* должна бы если не господствовать, то во всяком случае быть представленной в ойконимии достаточ-

но широко, подобно моделям на *-jäärv* «озеро» в лимнонимах (*säärjäärv*, *kodijäärv*, *šidjäärv* на -oja «ручей» в наименованиях ручьев и лесных рек (*Haboja*, *Ledoja*, *Korgedoja*) и др. Между тем детерминант *-küfä* появляется в вепсских ойконимах лишь спорадически: *Järvideküfä* (рус. Озера); *šingärvenküfä* (рус. Шимозеро); *kesküfä* (рус. Средь-Волость). Следы его обнаруживаются в некоторых ойконимах на обрусевшей территории: деревни Ускулово и Овкула в низовьях р. Паша; «дер. на Кюле» в бывшем Андомском погосте [1].

Причину такой низкой активности лексемы *küfä* в вепсской ойконимии надо искать прежде всего в семантике термина и исторических особенностях формирования вепсских поселений. В большинстве вепсских говоров словом *küfä* обозначается не отдельная деревня, а целая группа деревень. Если же обратиться к названиям этих гнезд поселений, то окажется, что по принципам номинации их можно довольно четко разделить на две группы. Позволим себе остановиться на этом вопросе подробнее, поскольку он представляет явный интерес с точки зрения особенностей номинации.

Итак, первую группу составляют ойконимы, в основе которых — наименование того природного объекта (реки, озера, озерного залива и т. д.), при котором искомый куст поселений возник: с. *Mäggäärv* (рус. Мягозеро) при оз. *Mäggäärv*; с. *Kaala* (рус. Кала) при одноименной реке; с. *Kortlaht* (рус. Кортлахта) при одноименном озерном заливе; с. *Ladv* (рус. Ладва) — название куста деревень, расположившихся в верховьях (ср. *ladv* «вершина, верхушка») р. Оять. Вторую группу образуют ойконимы, оформленные специфическим прибалтийско-финским ойконимическим формантом *-la* (вепс. *-l*): *Karhil* (рус. Каргиничи), *šondal* (рус. Шондовичи), *Nurgoil* (рус. Нюрговичи), *Vidl* (рус. Винницы), *Pesoil* (рус. Печеницы) и др.

Показателен ареал распространения выделенных типов. Первая группа названий преобладает в Прионежье, где расселены северные вепсы, и в восточной части средневепсского ареала, тяготеющего к Белозерью. Названия, относящиеся ко второй группе, распространены в долинах рек Ояти, Капши и Паши, на территории расселения представителей средневепсского диалекта, и частично представлены на смежной южновепсской территории. Деление это, хотя и не абсолютно (ойконимы, восходящие к соответствующим наименованиям природных реалий, встречаются и в ареале *-l*-овой ойконимии, главным образом на водоразделах рек), но все же достаточно последовательно.

Встает вопрос, чем вызвано существование двух типов номинации для выполнения одной функции — называния гнезд поселений. По-видимому, ответ надо искать в том, что в каждом из упомянутых типов отражается время освоения территории и усло-

вия, в которых оно происходило. Исследователь финской топонимии В. Ниссиля, а за ним финский историк Е. Вахтола, анализируя ойконимию Финляндии, приходят к выводу о том, что скопления ойконимов на *-la*, *-lā* находятся в местах наиболее раннего оседлого земледельческого заселения, в то время как та территория, где преобладают ойконимы, образованные на основе наименований природных объектов, осваивалась позднее [2]. Этот вывод поддерживает на основе анализа эстонской топонимии В. Палль [3]. По всей видимости, он справедлив и для вепсской топонимии. Судя по целому комплексу лингвистических, исторических, географических данных, территория юго-восточного Приладожья (Оять и Паша с притоками, Свирь) — это ареал, освоенный вепсами раньше других территорий. И распространение в указанном ареале *-л-овой* ойконимии — еще один довод в пользу раннего заселения этих мест вепсами. К этому следует добавить, что по мере роста поселений, отпочковывания деревень название старого центра распространялось на весь куст поселений и в этом качестве дошло до наших дней.

Почему вместе с распространением вепсов на восток, в бассейны рек и озер, тяготеющих к Белозерью, и на север, в Прионежье, отмеченный ойконимический тип не распространился на указанные территории? Ответ, видимо, заключается в том, что эти территории первоначально осваивались как промысловые, и только позднее здесь появилось оседлое вепсское население. Естественным образом топонимия, сложившаяся в результате промыслового использования земель (наименования водных объектов, лесных урочищ и т. д.), переносилась на наименования вновь основанных здесь поселений: р. *Šokš* > д. *Šokš*, руч. *Vehkoja* > д. *Vehkoja*, ур. *Voilaht* > д. *Voilaht* и др. [4].

Вернувшись вновь к лексеме *kūfā*, служащей для обозначения куста поселений, мы вынуждены констатировать, что существование двух исторически обусловленных моделей наименования гнезд поселений приводит к тому, что термин *kūfā* необходим лишь в случае, когда специально конкретизируется, выделяется тип называемого объекта: *Šokšunkūfā* (при параллельно бытующем *Šokš*), *Šatarvenkūfā* (при *Šatarv*), *viihaneakūfā* (при *Viihal*) и др.

В некоторых средневепсских говорах по р. Оять лексема *kūfā* обозначает на апеллативном уровне, помимо куста поселений, еще и центральную деревню (с церковью) в этом кусте. Однако на топонимическом уровне в данной функции в средневепсских говорах она не получила распространения. Здесь наблюдается довольно четкая традиция закрепления за поселением, существующим при церкви, при сельском погосте термина *pagast*, без сомнения, русского происхождения [5]. Ср.: в Прионье *Pagast* — центральная деревня (с церковью) в селах Ладва, Мягозеро, Ярославичи, Озера, Каргиничи.

Есть некоторые основания предполагать, что у северных (прионежских) вепсов для обозначения некоего центра куста поселений первоначально на апеллятивном уровне использовалась лексема *posad*, позже расширившая свою семантику и обозначающая в современном северновепском диалекте любое поселение. На это указывают некоторые северновепские ойконимы, названия центральных деревень в с. Каскесручей (*Posad*, или *Keškposad*, букв. «средняя, центральная деревня»), Матвеева Сельга (*Posad*, или *Sufposad*, букв. «большая деревня»), Шелтозеро (*Papimposad*, букв. «попова деревня»), Залесье (*Posad*, или *Sufposad*). В с. Шокша д. *Posad* является частью центральной д. *keškũlä*, рус. Средь-Волость. Все они либо примыкают к деревенским погостам, либо погосты находятся непосредственно в них. Наше предположение об изначальной семантике термина основывается косвенным образом и на истории появления указанного слова в вепском языке. Термин *posad* имеет явные русские истоки. Лексема *посад* зафиксирована еще древнерусской литературой в значении «поселение, предгорье, поместье» [6]. По мере продвижения новгородцев в ходе колонизации из Новгорода на северо-восток, в Присвирье, происходила трансформация исходной семантики. Картотека «Словаря русских говоров Карелии» [7] фиксирует лексему *посад* на Свири в значениях «ряд домов; улица; деревня». Заметим, что район Присвирья оказывается к тому же ареалом довольно активного топонимического употребления указанного термина. Списки населенных мест 1892 г. [8], к примеру, отмечают здесь свыше десяти деревень с названием Посад, причем чаще всего это именно центральные или тяготеющие к центру куста поселения. По-видимому, в ойконимах Присвирья и вепского Прионежья сохранились рудименты изначального значения новгородского слова: «поселение, окружающее некий центр, примыкающее к нему». В Новгороде таким центром был город, на Свири и у северных вепсов — погост, церковь.

Близость семантики термина, а также тот факт, что вепское Прионежье граничит с Присвирьем, указывает на Свирь как на ту территорию, где северные вепсы восприняли русскую лексему. Отступая перед активной колонизацией Присвирья славянами в XIV в. [9], вепское население отодвигалось с берегов Свири на север, в глубь водораздела, и уносило с собой усвоенный на Свири славянский термин *posad*. На то, что движение шло именно со Свири, указывают косвенным образом материалы Писцовых книг Обонежской пятины, свидетельствующие, что центры двух погостов, в состав которых входили северновепские поселения в XV—XVI вв., — Остречинского и Оштинского — располагались именно в Присвирье. С упомянутыми выше обстоятельствами перекликается и вопрос о причинах отсутствия термина *posad* в других вепских диалектах (среднем, южном), также попавших в зону новгород-

ского влияния. По-видимому, это следы непосредственных прочных контактов предков северных вепсов со Свирью, их присвирского прошлого.

В южновепском ареале в наименованиях центральной деревни куста поселений выступает в некоторых случаях термин *derōb*, не вызывающий никаких сомнений в славянских истоках его происхождения. Характерная особенность: указанный термин зафиксирован в этом ареале исключительно в самостоятельном употреблении (д. *derōb* в с. Сидорово, Прокушево, Белое Озеро, Кортлахта). Подобный семантический сдвиг, происшедший на топонимическом уровне по сравнению с семантикой южновепского апеллятива (*derōn* «любое поселение, деревня»), возможно, увязывается определенным образом с тем фактом, что южновепские говоры утратили свою лексему *kūiā*, которая у средних вепсов служит в том числе и для обозначения центральной деревни в гнезде [10].

На территории расселения средних вепсов, прежде всего на Ояти, термин *derūn* присутствует в наименованиях некоторых поселений, присоединяясь к отантропонимическому атрибуту: *Fedor-andeŕūn*, *Krisandeŕūn*, *Markandeŕūn*, *Ondreindeŕūn* (с. Озера). Наличие антропонима — отражение прежней семантики слова. В средневековье северная деревня была однодворной [11], и естественно присутствие в ее названии указания на владельца двора. Эта семантика сохраняется в усвоенной вепсами лексеме и позднее: для некоторых отантропонимических ойконимов на *-derūn* и сейчас можно обнаружить соответствие атрибутивного элемента фамилии современных жителей деревни: ср. *Maimistandeŕūn* — жители Маймистовы.

Анализ вепской ойконимии позволяет обнаружить свой, вепский термин, семантически эквивалентный русскому слову *деревня* в его изначальном значении. Исследователи истории Русского Севера отмечают, что термин *деревня* появился в русских источниках довольно поздно, лишь в XIV веке, причем первоначально он означал лишь крестьянский двор с прилегающим к хозяйству участком земли [12]. Соответствующим вепским термином была лексема **kond*, утраченная современными вепскими говорами, но представленная в большинстве прибалтийско-финских языков в значении «крестьянский двор, хозяйство, земельный участок» (SKES, 2, 216) и сохранившаяся в некоторых вепских топонимах, в том числе и в ойконимах, что подтверждает ее былое функционирование в вепском языке; ср. наименования земельных участков *Ukonŕkond*, *Perŕjankond* (Приоятье), *Kondušine* (Прионежье), д. *Kond* (с. Сидорово), бывш. д. *Minankond* (с. Нюрговичи), бывш. д. *Kondud* (с. Озера), на смежной русской территории Приоятья урочища Кондуши и Кондосельга. По-видимому, широкая известность русского заимствования (*derevnĭ*, *derūn*,

'*derón*'), распространившегося по всей территории вепсского обитания, со временем привела к полному вытеснению лексемы *konđ*, оставившей о себе память лишь в топонимах. Одной из причин, способствовавших замене, явилось сходство в семантике русского и вепсского слов. Впрочем, определяющее значение, видимо, все же имело то, что термин *деревня* для обозначения основной единицы налогообложения был широко представлен на официальном уровне, присутствуя уже в самых ранних писцовых книгах, касающихся вепсской территории, что, безусловно, способствовало его повсеместному распространению среди вепсов.

Память об однодворной деревне, включающей в себя крестьянский двор с принадлежащей к нему землей, сохраняют и ойконимы с элементом *tanaz*, *tappaz* (основа *tanh-*), имеющем в современных говорах значение «двор (для скота), хлев»: д. *Tanaz* (р. Прокушево), *Tanhoinē* (с. Озера), *Kešktañh~Keštan* (с. Ярославичи), *Aksintanaz~Aksintanh* (с. Пондала), *Markutan*, *Virahtan* (с. Войлахта). При этом надо принять во внимание, что в период называния поселений семантика слова могла быть шире, как, например, в финских говорах, где соответствующей лексемой обозначают не только хлев, но и весь комплекс построек, включая усадьбу, хозяйственные постройки и двор при доме. К этому следует добавить, что на распространение лексемы в вепсских ойконимах [13] могла оказать определенное влияние русская ойконимическая модель, распространенная в новгородских землях, в частности в ойконимах типа Большой Двор, Великий Двор, закреплявшихся за поселениями с двором феодала — новгородского боярина [14]. Воздействие данной модели ощущается, к примеру, в ойконимах *Tanaz* (с. Прокушево) и *Keštan* (с. Ярославичи) — названиях поселений, в которых прежде находились помещичьи усадьбы.

Будучи малодворными, северные деревни нередко прекращали свое существование. Запустевшие, покинутые крестьянами, они превращались в *пустоши* (*pu(u)st*) и *селища* (*selišš*). Об этом напоминают многочисленные микротопонимы, названия сельскохозяйственных угодий, прилегающих к современным вепским поселениям: *Pustad* (Корбиничи), *ċogapust* (Нюгровичи), *Pust* (Сидорово), *Pust* (Каргиничи), *Soušimpust* (Долгозеро), *Pustošim puust* (Матвеева Сельга), *Selišš* (Харагиничи), *Šeliš* (Сидорово), *Šeliš* (Кекозеро), *Šelišpiid* (Норгино). Ср. также ойконимы: деревни *Rodimpust* (Радогоща), *Maķoipust* (Лакхта), *Pust* (Войлахта), *Pust* (Торасозеро), *Pust* (Шимозеро), хут. *Selišš(ad)* в окрестностях Войлахты и др. Закрепление терминов *pu(u)st* и *selišš* в названиях поселений связано, видимо, с тем, что на некоторых из пустошей и селищ могли со временем вновь возродиться поселения; освоение земли здесь было сопряжено с меньшими трудностями, чем при разработке новины.

Проникновение большинства русских терминов, связанных с обозначением разных типов поселений, в вепсский лексикон и закрепление их на топонимическом уровне происходит с вхождением вепсских территорий в число земель, подвластных Новгороду и Белозерскому монастырю. Активное использование их на официальном уровне, в частности упоминание в документах налогообложения, способствует распространению этих терминов в вепсской среде. Установление помещичьего землевладения на части вепсской территории в начале XVII в. [15] привело к появлению таких ойконимов, как деревни *Usadb* (Ярославичи), *Usadišš* (Кортлахта). Ср. также д. *Slabad* (Пондала), название которой восходит к русскому *слобода*, служащему для обозначения крестьянского поселения, образованного землевладельцем на льготных условиях на пустующей земле [16].

XIX в. принес с собой на европейский Север новый тип поселений и соответственно новую лексему: *хутор* > *hutor* ~ *futor*. Она представлена в топонимии южных и средних вепсов, где данный тип поселений получил распространение: *Pesanfutor*, *Kirikanfutor* (Войлахта), *Futor* (Прокушево), *Tatarvanhutor* (Стожково), *Baiginfutor* (Перелесок) и др.

Подавляющее большинство лексем, служащих (или служивших) в вепсских говорах для обозначения понятия «поселение», имеет русское происхождение: вепсы, рано вошедшие в состав вначале новгородских земель, а затем централизованного русского государства, усвоили, переняли вместе с типами поселений и лексемы, служившие для их обозначения. Однако надо признать, что для части рассмотренных слов такое усвоение произошло практически лишь на топонимическом уровне (*selišš*, *usadišš*, *slabad*), на апеллативном же они не получили распространения. Этим в определенной степени объясняется их самостоятельное употребление. Другая причина самостоятельного употребления терминов, обозначающих типы сельских поселений, в составе вепсских ойконимов заключается, судя по проведенному анализу, в том, что обозначаемый ими тип поселения на данной микротерритории (куст поселений) не имел аналогов, был единственным, например *pagast* для средневеппского ареала (Приютье), *posad*, служивший первоначально для обозначения центральной деревни гнезда поселений у северных вепсов, как и *derōñ* на территории расселения южных вепсов. В тех же случаях, когда термин является детерминантом сложного ойконима, определением к нему выступает в подавляющем большинстве случаев антропоним, отражающий однородность поселений при их образовании (*Deremamposad* < *Derem* < рус. Ерема; *fedorandefuñ* < *Fedor* < рус. Федор; *Markutan* < *Mark* < Марк, ср. *Markovad*, Марковы — неофициальная фамилия жителей деревни).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Писцовые* книги Оболенской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 188.
- ² См.: *Missilä V. Suomalaista imistö:tutkimusta* Helsinki, 1962. S. 92.
- ³ См.: *Pall V. Põhja -Tartumaa kohanimed* H. Tallinn, 1977. Lk. 196, 237.
- ⁴ Подобный процесс происходил и позднее. Он нагляден, к примеру, в названиях хуторов, во множестве возникавших в XIX в. в ареале южновепсского расселения; многие из них восходят к названиям тех урочищ, на территории которых возникли хутора: хут. *Pihār* <оз. *Pihār*(v), хут. *Ledo* <ур. *Ledo* и др.
- ⁵ Русские истоки обнаруживает не только термин, но и сам тип поселения, проникший и укоренившийся в вепсской среде не позднее XIV в. См. об этом: *Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры*. М.; Л., 1965. С. 219.
- ⁶ *Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. СПб., 1895. Т. 2.
- ⁷ Хранится в Ленинградском университете.
- ⁸ *Список селений в Олонецкой губернии с обозначением наличного числа домов и жителей (по сведениям 1892 г.)* // Олонецкий сб. Петрозаводск, 1894. Вып. 3.
- ⁹ См.: *Пименов В. В. Вепсы...* С. 184—185.
- ¹⁰ Термин *pagast*, выступающий в наименованиях центральных деревень в средневепсском ареале, здесь, на территории расселения южных вепсов, не получил распространения по той причине, что вся южновепсская территория тяготела к одному единственному погосту — Пелушскому, который к тому же был лишь церковно-приходским и административным центром, но не поселением. От последних он отстоял на значительном расстоянии.
- ¹¹ См.: *Аграрная история северо-запада России XVI века: Новгородские пятины*. Л., 1974. С. 248.
- ¹² См.: *Воронин Н. Н. К истории сельских поселений феодальной Руси: Погост, слобода, село, деревня*. Л., 1935. С. 70—73; *Веселовский С. Б. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв.: Историко-социол. исслед. о типах внегор. поселений*. М.; Л., 1936. С. 26.
- ¹³ Имеющиеся в нашем распоряжении данные не подтверждают популярности соответствующей топонимической модели в ойконимии родственных прибалтийско-финских языков.
- ¹⁴ См.: *Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков: Из истории сельских поселений*. М., 1962. С. 99.
- ¹⁵ См.: *Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв.* М.; Л., 1951. С. 72—77.
- ¹⁶ См.: *Воронин Н. Н. К истории сельских поселений...* С. 40.

Н. Н. Мамонтова

Петрозаводск

ОТРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ДРЕВНИХ ВЕРОВАНИЙ В ТОПОНИМИИ КАРЕЛИИ

Как известно, в географических названиях содержатся своеобразные отголоски материальных условий жизни населения в оп-